

биться любви Тристана; но он счел ее безумной и отверг; потому возненавидела она его лютой ненавистью. И вот говорит она Одре:

– Одре, Тристана не видно в покоях; значит, он не иначе как в саду. Стоит ему взобраться на такое-то и такое-то дерево и пролезть в такое-то и такое-то окно, как он окажется в опочивальне королевы.

– Я тоже так думаю, – отвечает Одре. – Знайте же, что, если он на это решится, мы его схватим.

– Посмотрим, как вам это удастся, – молвит она, – ибо, если он от вас ускользнет, не ждите милости от короля.

Ночью Одре провел в один из покоев, что выходил в сад, двадцать рыцарей, недругов Тристана. Сам он тоже был с ними и сказал им:

– Господа, дайте Тристану без опаски взойти на ложе королевы; когда он уснет, к вам придет служанка и оповестит вас. Смотрите только, чтобы он от вас не ускользнул!

– Не беспокойтесь, – отвечают те, – ему от нас не ускользнуть!

Луна светила ярко, и то было не на руку Тристану. Долго пробыл он в саду, пока наконец не убедился, что за ним не следят. На нем не было доспехов, он взял с собой только меч. И когда рассудил он, что все уже заснули, то взобрался на дерево и прыгнул в окно, так что подстерегавшие его заметили это. Тристан же их не видел. Он подошел к ложу королевы, обнаружил, что она спит, и разбудил ее; Изольда приняла его с великой радостью.

И когда Тристан был с королевой, подошла к нему Бранжъена и сказала:

– Поднимайтесь: двадцать рыцарей подстерегают вас в соседнем покое.

– Поистине, придется им об этом пожалеть! – отвечает Тристан.

– Ах, Тристан, – рыдает королева, – мнится мне, что не миновать вам смерти.

– Не бойтесь, госпожа моя, сумею я ее избежать, если будет на то воля господня!

Тут поднялся Тристан и прошел в тот покой, где притаились рыцари, готовые на него броситься. И ударил одного из них по голове, и убил насмерть, и ринулся на остальных, крича:

– Труссы! На свою погибель явились вы сюда. Не ждите от меня пощады!

И он ударил другого рыцаря и убил его. И когда увидели они это, объял их такой страх, что у многих попадали из рук мечи.

А Тристан ударил еще одного и отсек ему левую руку, и та упала наземь. А потом вернулся к себе в покои и рассказал своим сотоварищам, как попал в засаду и как из нее вырвался.

– Сир, – молвит Гувернал, – я боюсь за вас.

– Не бойтесь господин мой, – отвечает Тристан. – Ибо ищущие моей смерти умрут раньше меня, если будет на то моя воля.

Так Тристан избежал гибели. Его сотоварищи ликуют, а друзья убитых печалются великой печалью. И король, увидев мертвые тела, подумал, что Тристан был бы и впрямь доблестным рыцарем если бы не совершил против него измены.

– Ах, Изольда, – говорит он, – не миновать тебе смерти. Но, потеряв тебя, я потеряю и свою честь!

Тут король Марк возвращается в свои покои и начинает оплакивать Тристана. И, призвав к себе Одре, спрашивает у него, как Тристан, на котором не было доспехов, мог ускользнуть от вооруженных рыцарей.

– Государь, – отвечает Одре, – это удалось ему благодаря его доблести, коей нет равных.

– Поистине, – молвит король, – надлежит, чтобы он был схвачен, и я поручаю это сделать вам.

– Сир, – отвечает тот, – я сделаю все, что в моих силах.

И мертвых рыцарей предали земле.

Тогда король идет к королеве и говорит ей:

– Госпожа моя, вы не стремились ни к чему, кроме моего позора и бесчестья. И красота ваша будет виной вашей смерти и смерти Тристана. Ибо он заслужил ее так же, как и вы.

Королева не проронила ни слова. И король вернулся в свои покои и повелел заточить королеву в башню, чтобы она не могла видеть Тристана. И пребывала она в такой печали, что хотела умереть.